

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

DOI 10.17805/zpu.2018.4.11

Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг.

В. И. БАЛАКИН

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Во внутренней политике современной Японии заметно не только влияние неоконфуцианских догматов, но и германской трактовки идеи централизованной государственности. Это восходит к годам правления императора Мэйдзи (1868–1912), когда японская элита заинтересовалась идеями прусского канцлера Отто фон Бисмарка. Период Мэйдзи ознаменовался и началом становления Японской империи в качестве великой мировой державы с приматом национальных интересов.

Реставрация Мэйдзи должна была стимулировать преодоление раздробленности страны. В работе над японской конституцией активное участие принимали немецкие правоведы. Правящая японская элита оказалась весьма восприимчива к германской идее создания в Японии жесткой авторитарной системы правления, подкрепленной конкретными рекомендациями идеологического характера.

Помимо этого, проводилась военная реформа. Пруская идеологическая доктрина военной службы во имя императора послужила весьма удобной формой, реальным содержанием которой стало развивающееся эффективное диалектическое единство традиционных синтоистских ценностей и неоконфуцианских моральных норм.

Японская школа этого периода стала основой формирования новой государственности со своими национальными особенностями, но детально скопировавшей сложившийся прусский педагогический опыт.

Глубокая «прививка» прусского опыта и сокрушительное поражение во Второй мировой войне сыграли свою заметную роль с точки зрения того, что снова, как и в период Реставрации Мэйдзи, предоставили шанс Японии найти собственный неповторимый путь национального возрождения. В отличие от Германии, в Японии постепенно набирала силу тенденция непременно вернуть себе «нормальное государство». Поэтому сегодня вновь повсеместно возрастает интерес к философским ценностям периода Реставрации Мэйдзи. Ключевые слова: Япония; история Японии; государственность; Реставрация Мэйдзи; Германия; Отто фон Бисмарк

ВВЕДЕНИЕ

Во внутренней политике современной Японии не только весьма заметно и актуально влияние неоконфуцианских догматов, которые изначально были восприняты из древней китайской философии, но и проявляется очевидное воздействие современной германской трактовки идеи централизованной государственности в конституции

онном строительстве, восходящей к периоду Реставрации Мэйдзи, когда усилия прусского канцлера Отто фон Бисмарка (Otto von Bismarck) по формированию единой Германской империи отчетливо вызвали в японском правящем классе самый неподдельный интерес. Трудно не согласиться с оценкой видного японского государствоведа Оути Коити, данной им относительно мероприятий правящей элиты Японии по модернизации страны на основе некоего сплава японского неоконфуцианского традиционализма и классической германской философии, ориентированной на построение устойчивого общественного строя (Ouchi Koichi, 2010: 21).

Годы правления императора Мэйдзи (1868–1912 гг.), или «просвещенное правление», ознаменовались отказом Японии от самоизоляции и началом становления Японской империи в качестве великой мировой державы с приматом национальных интересов, независимостью суда, свободой предпринимательства, эффективностью использования знаний, в том числе пришедших с Запада, окончательным выбором капиталистического пути развития, что выразилось в формировании олигархических финансово-промышленных групп («дзайбацу»), составивших основу японской экономической мощи. Основной целью правительства императора Мэйдзи являлось создание этнического государства, способного к постоянным равноправным отношениям с западными державами за счет свержения старого феодального режима и отмены его привилегий, в том числе при формировании национальной армии и принятии универсального закона воинской повинности. Правительство Мэйдзи осуществило серьезную политическую программу разработки финансовой системы, формирование устойчивых источников поступления средств в государственный бюджет, что позволило принять конституцию страны, которая была представлена в виде подарка от японского императора своему народу.

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРИИ

В условиях традиционалистского общества и начала активного развития геополитического фактора в случае Японии периода Реставрации Мэйдзи становление новой государственности во многом зависело от сопряжения попыток соединить исторические культурные традиции с идеями буржуазной модернизации. Это трактовалось как синтез нового стратегического миропонимания и воплощение японского имперского проекта в сложившихся условиях второй половины XIX в. Реставрация Мэйдзи с точки зрения японской государственности того периода должна была прежде всего стимулировать преодоление раздробленности страны, несколько тысячелетий разделенной на множество мелких княжеств. В реальности в каждом таком княжестве существовали своя достаточно независимая политическая власть, профессиональные вооруженные силы, законодательная система и даже таможенные структуры. Любое японское центральное правительство сёгуната (военной диктатуры) постоянно пыталось сурово расправиться с сепаратистскими проявлениями на местах, однако эти усилия оставались малоэффективными, что приводило к постоянным попыткам феодалов добиться независимости: они содержали собственные войска, чеканили собственные деньги, достаточно свободно вершили суд в собственных владениях. Однако наибольшее опасения у сёгуната вызывало проникновение на японские острова зарубежного капитала, который постепенно играл все большую роль во внутри-японских противоречиях и фактически весьма активно способствовал неконтролируемому расширению промышленного производства. При этом японские власти опирались не на японскую аристократию и торговую буржуазию, а на вождеденно

смотревших в сторону Запада национальные промышленные круги, связанные с индустриальными инфраструктурными проектами, такими как создание в Японии своего крупного металлургического производства и разветвленной сети железных дорог (Osaragi, 2000: 40).

При реформировании своей национальной государственности во второй половине XIX в. правительство императора Мэйдзи опиралось на реальный практический опыт Германской империи, интенсивно используя при этом в первую очередь правовую систему Пруссии. Главным результатом стало принятие Японией конституции Мэйдзи, моделью для которой стал основной закон возникшей Германской империи. В работе над японской конституцией активное участие принимали немецкие правоведы из созданного еще в 1882 г. Общества по продвижению германской науки (*Gesellschaft für Verbreitung deutscher Wissenschaft*). Именно этот период по праву можно назвать «германским периодом» японской модернизации (Vogt, Holdgrün, 2013: 56). Провозглашенные тогда реформы были прежде всего направлены на целенаправленное формирование германофильской системы образования в Японии, нацеленной на консервативный прусский вариант создаваемых государственных институтов, изменяющих империю.

Германские эксперты-консерваторы весьма настойчиво рекомендовали дружественному правительству Мэйдзи не поддаваться на громкие призывы видных представителей европейского социал-демократического движения провозгласить Японию социально ориентированной «мягкой монархией», но напротив, опереться при создании новой государственности на небольшие элитные группы военного сословия (самураев), представителей кланов Сацума и Тесю. Правящая японская элита оказалась весьма восприимчива к германской идее создания в Японии жесткой авторитарной системы правления, подкрепленной конкретными рекомендациями идеологического характера (Mitsuya, 2014: 108).

Большую роль в тесном сближении Японии и Германии сыграл лидер так называемой прогерманской партии Ито Хиробуми, который, будучи главой влиятельной всеяпонской ассоциации экспертов по японо-германским отношениям, обратился к императору Мэйдзи с просьбой разрешить ему отправиться с исследовательской миссией в Берлин для изучения прусского парламентаризма и образования. По возвращении из Германии японская делегация представила на имя императора подробный доклад, в резолютивной части которого предполагалось взять прусский опыт за основу и приступить к последовательному формированию правовых институтов национальной японской государственности. Вместе с тем следует отметить, что некоторые высокопоставленные японские политические деятели пытались параллельно изучать сложившийся опыт государственного строительства в Великобритании, Франции и США, однако увиденные реалии не произвели должного впечатления на посланцев правительства Мэйдзи прежде всего из-за их полного несоответствия японским национальным традициям.

Выбор императора Мэйдзи оказался предрешенным, поскольку молодая Германская империя даже внешне внушала уважение уже в начале своего пути, объединенная на основе патриотической лояльности практически всего населения бывшей раздробленной страны. Что же касается германских специалистов, то не все они верили в возможность перенесения на японскую почву основных положений прусской конституции вследствие глубоких различий в обычаях и практике японской государственности (Rots, Teeuwen, 2015: 8).

ПРАВОВАЯ РЕФОРМА В ЯПОНИИ

Видный германский ученый того периода Рудольф фон Гнайст (Rudolf von Gneist) в беседах с Ито Хиробуми отмечал, что любая конституция представляет собой не просто сборник правил и установлений, спущенных сверху, но является, по сути дела, «душой государства», а в случае Германии — это суть немецких традиций. От японцев не стали скрывать, что в Германской империи основной проблемой продолжала оставаться легитимность парламентского контроля за бюджетом, в первую очередь его военных статей. На встрече с императором Вильгельмом японские гости услышали от него весьма нелестные отзывы о прусско-германской конституции по данному поводу и его пожелания императору Японии уберечь будущую японскую конституцию от «чрезмерного влияния» со стороны либеральных политических сил.

В Японии услышали совет германского императора Вильгельма и значительно ограничили право парламента влиять на принятие национального бюджета, для чего в качестве эффективного механизма было использовано «правило Отто фон Бисмарка», когда в случае непринятия нового бюджета правительство имело бы право пролевать действие параметров бюджета предыдущего года (Larpenküper, 2015: 16).

Некоторые германские эксперты рекомендовали Ито Хиробуми обратить внимание на положительный опыт функционирования «социальной монархии» в соседней Австро-Венгерской империи, где одним из приоритетов выступало местное самоуправление. Австрийский опыт широкого местного самоуправления показался японским исследователям достаточно перспективным, поскольку содержал ясное направление последующего развития той же японской системы образования с ее опорой исключительно на традиционные духовные ценности, в центре которых было обожествление фигуры императора.

Отдельное внимание Ито Хиробуми уделил структуре и содержанию сложившейся в Пруссии судебной системы, в рамках которой наивысшим теоретическим авторитетом признавался Карл Август Фюрст фон Харденберг (Karl August Fürst von Hardenberg), оказавшийся способным разрешить практически неразрешимую задачу — убрать прусские суды из-под влияния как консерваторов-традиционалистов, так и их либеральных политических оппонентов. Позднее Ито Хиробуми даже пригласил в Японию одного из учеников эксперта по конституционному праву Карла Харденберга, а также Германа Рослера (Hermann Roesler), ставшего одним из частных советников Ито Хиробуми и подготовившего за 16 лет своего непрерывного пребывания в Японии более 160 юридических актов, включенных в качестве официальных предложений японского правительства при разработке конституции Мэйдзи.

Однако нельзя не отметить серьезных расхождений в теоретических позициях экспертов из Пруссии и японских традиционалистов. Прусские советники, и прежде всего Герман Рослер, достаточно жестко выступили против включения в японскую конституцию положения о божественном статусе императора Мэйдзи, считая, что император должен был получить прерогативы верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Японии от парламента и одновременно имел бы право накладывать вето на законы, принимаемые представительным органом страны. Если бы Герману Рослеру удалось убедить японские элиты в правильности своей позиции, то конституция Мэйдзи могла бы оказаться заметно более демократичной и современной, чем даже ее германский аналог. Вместе с тем культ императора в Японии всегда был жестко связан с ультра-национализмом, в результате чего никогда не основывался на праве, а представлял собой некий древний миф, во многом замещавший собой государственную религию и яв-

лявшийся, по сути дела, единственной разрешенной идеологией в стране. Значительная внутренняя противоречивость конституции Мэйдзи (противоречия между нормами западного права и японского традиционализма) с самого начала делала высший законодательный акт Японии достаточно гибким, а главное, легко манипулируемым высшей императорской властью. В этом, как ни странно, японским традиционалистам реально помог все тот же Герман Рослер, посоветовав сформировать особый тайный совет, что и было сделано в виде политического механизма, принимающего инициированные императором политические решения в обход парламента (Oyama, 2005: 34).

Кроме Германа Рослера весьма заметную роль в становлении новой японской государственности периода Реставрации Мэйдзи во многом сыграл специалист по местному муниципальному законодательству Альберт Мозе (Albert Mosse), который применительно к тогдашним японским условиям спроектировал соответствующую правовую базу, вошедшую затем составной частью в первую конституцию Японии. Полное административное деление страны правительство императора Мэйдзи проводило прежде всего с целью формирования универсальной системы призывной армии, которая полностью основывалась на прусской идее «один рекрут от каждой деревенской семьи». От призыва освобождались старшие сыновья, на которых возлагалась обязанность заботиться обо всей семье в случае смерти ее главы. При этом учитывалась японская традиция, когда на военную службу шли вторые сыновья в семье, что свидетельствует о практическом государственном блокировании даже минимальных возможностей проявления свободы воли, а ставка делалась на откровенный юнкерский (как в Пруссии) милитаризм (Норр, 2015: 5). Германские советники убедили правительство Мэйдзи в необходимости создания в Японии мощного министерства внутренних дел, которое гарантировало бы полный контроль над лояльностью государственного аппарата и политической ситуацией в стране.

Германский советник Вильгельм Хоен (Wilhelm Hoehn) получил от правительства Мэйдзи официальное предложение создать в подчинении японского министра внутренних дел хорошо вооруженный элитный полицейский корпус, дислоцированный в новой столице японской империи Токио. Кроме того, была разработана новая тюремная система для Японии, значительные капиталовложения в которую также были сделаны германской стороной с использованием западных стандартов содержания заключенных и применением отдельных юридических правил общения с иностранцами. Большое впечатление на императора Мэйдзи произвели прусские ритуалы и этикет ведения заседаний в только что созданных новых японских судах, хотя немцам пришлось все же пойти на компромисс, поскольку сразу отказаться от древнего божественного статуса императора не представлялось возможным, а значит, им пришлось согласиться с необходимостью в целом европейскую судебную систему для Японии пронизать мало совместимыми с ней устоявшимися японскими традициями.

Значительные трудности пришлось преодолевать правительству Мэйдзи в сфере военной подготовки вооруженных сил Японии, ибо там столкнулись амбиции двух непримиримых военных соперников в Европе: Франции и Германии (Riley, 2012: 117). Отношения между французскими и германскими советниками в японской армии оказались настолько напряженными, что правительству Мэйдзи пришлось вмешаться и разделить зоны ответственности между французами и немцами в подготовке японских вооруженных сил в рамках следующей формулы: офицерам из Франции оставили преподавание военной теории в академии, а прусские офицеры занялись реальной боевой подготовкой японской армии в полевых условиях.

ИДЕОЛОГИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В ЯПОНИИ

Прусская идеологическая доктрина военной службы во имя императора послужила весьма удобной формой, реальным содержанием которой стало развивающееся эффективное диалектическое единство традиционных синтоистских ценностей и неоконфуцианских моральных норм. Названный синтез давно устоявшейся японской военной идеологии полностью соответствовал древнему кодексу под названием «Путь воина» (Bushido) и оказал неоценимую помощь власти Мэйдзи в удержании японского общества в режиме осознанной лояльности выстраивавшейся новой императорской системе с ее последовательной и абсолютно безусловной приверженностью государственному суверенитету страны (Sunyoung, 2017: 10). Самые видные идеологи правительства Мэйдзи называли японские вооруженные силы «начальной школой» патриотизма и духа национального возрождения, гарантом которого выступал авторитет императора. В 1882 г. император Мэйдзи издал исторический указ конкретно для японского военного сословия, в котором впервые объединил воедино базовые принципы будущей идеологии «тэнноизма», смысл которой сводился к возвышению императора над всем японским обществом. Данные духовные ценности стали основополагающими скрепами при последовательном формировании японской государственности и фактически на долгие годы предопределили внутривластную инфраструктуру Японской империи.

Японцы активно изучали европейский опыт, особенно в военной сфере. Яркой демонстрацией такого подхода стал визит в Пруссию военной делегации во главе с министром по делам армии Ояма Ивао (Oyama Iwao) в сопровождении 15 высокопоставленных японских офицеров. Германская сторона предложила этим офицерам остаться на некоторое время в Пруссии на обучение и для рабочих контактов с опытными офицерами генерального штаба Германии. Главной целью названной «стажировки» японской стороны была обозначена выработка национальной военной доктрины, ориентированной на подготовку к большой войне, противником в которой японская сторона прямо и открыто назвала Китай, противодействовавший Японии в вопросе о принадлежности островов Рюкю и сдерживавший японские попытки установить жесткий контроль над Кореей (Rowlinson, 1967: 511).

Со своей стороны начальник германского генерального штаба граф Хельмут фон Мольтке (Helmuth von Moltke) отдал приказ наиболее талантливым прусским офицерам отправиться в Токио и приступить к созданию там отдельной германской академии. Немцы прибыли в Японию в 1885 г. и оставались там в течение трех лет. В данной связи надо отметить, что их реальное влияние на японских военных оказалось значительным и не идущим ни в какое сравнение с влиянием других иностранных специалистов.

Германские офицеры детально обучали японских военных из местного генерального штаба различным приемам тактики ведения боя, а также стратегическому мышлению при управлении крупными войсковыми соединениями. Последняя наука объяснялась на основе имеющегося боевого опыта прусской армии с использованием реальных исторических материалов, подготовленных в рамках серьезных научных исследований. Посланцы германского генерального штаба во время занятий давали пояснения японским офицерам, приводя примеры из собственной боевой практики, почерпнутые в ходе военных кампаний с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870 г. Японцы были приятно удивлены откровенностью немецких офицеров, которые в отличие от тех же французских инструкторов не ограничивались чистой теорией, а, напротив, старались научить своих японских коллег превращению теоретических знаний в ре-

альные варианты принятия конкретных решений на поле боя. Результаты не заставили себя долго ждать — победоносные кампании японских вооруженных сил в Корее и Маньчжурии убедили высшее японское военное руководство в максимальной эффективности прусской школы ведения боевых действий (Sasaki, 1984: 128).

В 1886 г. по указу императора Мэйдзи заместитель министра по делам армии Кацура поставил перед германскими советниками важную дополнительную задачу: реформировать японскую армию в целом, сделав ее аналогичной прусским вооруженным силам по всем направлениям боевой подготовки. Смысл вынашиваемой реформы японцы решили довести до самого низшего уровня в лице рядовых солдат. А началось все с военной формы: ранее она шилась по лекалам французской армии, но затем была сменена на прусский вариант. Инициировав масштабную реформу, германские советники сделали ставку на создание строго централизованных и высокомобильных вооруженных сил. Была реорганизована система призыва на военную службу, в результате чего рекрутский набор рядового состава превратился в повсеместный на всей территории Японской империи, став при этом составной частью утвержденной императором Мэйдзи концепции национальной обороны (Farkas, 2016: 40). Большое внимание было уделено обороне собственно Японии за счет повсеместного строительства мощных фортификационных укреплений, а также поставкам артиллерийских орудий, практически все контракты на которые, естественно, получил германский концерн Крупша.

Большую роль в построении японских вооруженных сил сыграла прусская идея о четком разделении полномочий между военным министром, начальником генерального штаба и генеральным инспектором вооруженных сил, представлявшим интересы императора Мэйдзи в армии. Такое распределение обязанностей на три сферы компетенций: административную, военную и политическую могло эффективно функционировать лишь под эгидой централизованной системы государственного управления, где в качестве верховного главнокомандующего выступил японский император, реализуя свою волю через военный кабинет. Однако, поскольку роль и статус императора в Японии заметно отличались от роли и статуса императора в Германии, прусская военная система, искусственно адаптированная к японским реалиям, не смогла работать адекватно. Исторически в Японии существовали серьезные противоречия между армией и флотом, которые поддерживались разными влиятельными феодальными кланами и экономическими группировками (Nimiya, 2016: 98). Тем не менее для японской армии прусская военная подготовка оказалась решающей в конфликтах с Китаем в 1894–1895 гг. и с Россией в 1904–1905 гг.

После принятия в качестве эталона прусской правовой системы и системы построения вооруженных сил в Японии правительство Мэйдзи озадачилось разработкой реформы образования, и тут снова ему пригодился опыт Пруссии, за которым в Германию потянулись многочисленные чиновники из министерства образования Японии. Японцы стали скупать в Берлине литературу по педагогике и приглашать известных немецких экспертов для преподавательской деятельности в японских начальных и средних школах, а также в высших учебных заведениях. Книги Песталоцци (Johann Heinrich Pestalozzi) и Фрёбеля (Friedrich Froebel) были переведены на японский язык и послужили основой для обучения самих японских преподавателей. Заинтересовала японских ученых и классическая немецкая философия, особенно работы Йохана Фридриха Хербарта (Johann Friedrich Herbart), провозглашавшие необходимость внедрения в сознание молодежи через образование традиционных моральных ценностей.

Пять главных постулатов Хербарта идеально совпали с пятью нормами конфуцианского образования, а именно: чувственным пиететом, бескорыстной любовью, гармонией, скромностью и почтительностью (Такауагаи, 1987: 84).

Германский эксперт в сфере начального образования Эмиль Хаускнехт (Emil Hausknecht) указом императора Мэйдзи был назначен в Токийский государственный университет с основной целью передавать свои знания будущим японским педагогам. Японский министр образования Мори осознанно утвердил в программе педагогического факультета Токийского госуниверситета курс под названием «Спорт и патриотизм», автором которого был Фридрих Людвиг Ян (Friedrich Ludwig Jahn), уважаемый в Германии «отцом немецкой гимнастики».

Практически японская школа периода Реставрации Мэйдзи стала основой формирования новой государственности со своими национальными особенностями, но в целом весьма детально скопировавшей сложившийся прусский педагогический опыт. Основная идея звучала как формирование «здорового патриотизма» в новом поколении японцев, что очень напоминало аналогичную концепцию, выдвинутую канцлером Германии Отто фон Бисмарком (Jacobi, Weimer, 1992: 128). Обращает на себя внимание и увлечение правительства Мэйдзи прямым копированием германского опыта построения системы высшего образования, заточенной на идеологическое воспитание студентов в духе безусловной преданности императору и подготовки из них будущих госслужащих, гордящихся своей принадлежностью к высшей элите японского государства.

Японские эксперты в сфере образования, которые прошли подготовку в Германии, были распределены по школам всех крупных городов Японии и приступили к осуществлению своей миссии, предусмотренной специальным рескриптом императора Мэйдзи. Среди вернувшихся из Германии экспертов наиболее известным впоследствии стал философ Иноуэ Тэцудзиро (Inoue Tetsujiro), проучившийся в Берлине более шести лет. Именно Иноуэ участвовал в подготовке вышеназванного императорского рескрипта, который содержал подробное описание традиционных идеалов конфуцианской семьи, одобренных ультранационалистическими синтоистскими догмами, и определял поведение всей японской нации (Kiyota, 2017: 49). Судьба рескрипта оказалась уникальной с точки зрения продолжительности его действия: он зачитывался в каждой японской школе вплоть до середины августа 1945 г., т. е. до дня капитуляции японских вооруженных сил. Все школьники должны были ежедневно слушать рескрипт стоя, низко склонив голову в направлении императорского дворца, проникаясь при этом священными чувствами к символу нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прогерманские силы в правительстве Мэйдзи откровенно признавали, что без прусской идеологической помощи им не удалось бы построить авторитарную государственность в Японии по отработанной немецкой модели. Японская олигархия практически полностью перешла на сторону прогерманских сил, ориентируясь на политические веяния среди высокопоставленных чиновников министерства императорского двора. Германское влияние на японскую государственность оказалось в реальности практически определяющим, поскольку затронуло процесс создания конституции, реформирование устаревшей структуры вооруженных сил, но самое главное — предопределило философское содержание новой концепции образования, которым было охвачено не только японская элита, но и все население страны.

Посол Германии в Японии Теодор фон Холлебен (Theodor von Holleben) в своем докладе в Берлин сообщал: «Ни одно другое государство не достигло на японских островах такого успеха, как Германия, — Япония была полностью германизирована, так и не осознав этого» (Оно, 2006: 22). Немцы и японцы, как ни странно, объективно оказались в чем-то очень похожими с точки зрения отношения к национальной государственности, основанной на традиционалистских принципах.

В 1945 г. Япония и Германия одинаково оказались поверженными практически полностью, но при этом волею судеб находились в совершенно различных условиях подчинения США. В то же время предпосылки для последующего государственного и экономического возрождения были весьма похожими, а именно упорное сохранение национальных традиций позволило обеим странам в значительной степени избежать разрушительного англосаксонского доминирования. Видимо, глубокая «прививка» прусского опыта, опосредствовано сделанная Отто фон Бисмарком японским элитам, сыграла свою заметную роль и после сокрушительного поражения во Второй мировой войне, что снова, как и в период Реставрации Мэйдзи, предоставило шанс Японии найти собственный неповторимый путь национального возрождения. В отличие от Германии, где послевоенные политические процессы привели к так называемому единству евроатлантической цивилизации, в Японии постепенно набирала силу тенденция непременно вернуть себе «нормальное государство» (Matsumura, 2008: 11). В данной связи сегодня вновь повсеместно возрастает интерес к философским ценностям периода Реставрации Мэйдзи, главной из которых продолжает оставаться сохранение во всей полноте многих основных принципов древней национальной государственности, весьма существенно подкрепленной неоценимым европейским опытом в лице старых добрых прусских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ouchi Koichi (2010) Doitsu jiyusyugi 1881–84 nen // Waseda daigakuyin Zasshi №7. P. 19–31. (In Japanese).
- Farkas, M. I. (2016) Reconstructing Tradition. Debate on “Invented Tradition” in the Japanese Modernization // Acta Asiatica Varsoviensia. №29. P. 30–46.
- Нопп, А. (2015) Warum Bismarck? Aus Politik und Zeitgeschichte. Publikationsversand der Bundeszentrale für politische Bildung. Rostock. 40 s. (In Germ.)
- Jacobi, J., Weimer, H. (1992) Geschichte der Pädagogik. Universität Potsdam Verlag. Berlin. 232 s. (In Germ.)
- Kiyota, M. (2017) Meiji Buddhism: Religion and Patriotism // Asian Studies Journal. №2. P. 49–58.
- Lappenküper, U. (2015) Otto von Bismarck und Emma Metzler 1851–1880. Bankhistorisches Archiv 41. Berlin : Franz Steiner Verlag. 20 s. (In Germ.)
- Matsumura, M. (2008) The Japanese State Identity as a Grand Strategic Imperative. Osaka : Momoyama Gakuin Daigaku Syuppan. 28 p.
- Mitsuya, H. (2014) Meiji yishin-ni okeru “kōgi” to “shid?” // Meiji daigaku Zasshi №1. P. 107–116. (In Japanese)
- Nimiya, T. (2016) Nihongun no toyō jōriku sakusen // Boei daigaku kenkyusyo Zasshi. P. 97–125. (In Japanese)
- Ono, S. (2006) Das Japanische Recht und der Code Civil als Modell der Rechtsvergleichung // Hititsubashi Journal of Law and Politics. №34. S. 15–26. (In Germ.)
- Osaragi, J. (2000) The Industrialization and Global Integration of Meiji Japan // Chapter 5. Toyo Keizai Shimposha Zasshi. №4. P. 37–59.
- Ōyama, H. (2005) Teikoku gikai no uei to kaigiroku-o megutte // Referensu siryo zasshi. Kokkai tosyokan. №2. P. 32–50. 112 p. (In Japanese)

- Riley, D. (2012) Property leading the people? // Chicago publications journal. № 5. P. 109–125.
- Rots, A. P., Teeuwen, M. (2015) Introduction: Formations of the Secular in Japan // Japan Review. № 30. Special Issue. University of Oslo. 20 p.
- Rowlinson, J. L. (1967) China's Struggle for Naval Development 1839–1885 // Chap. VI. Harvard University Journal. № 2. P. 504–522.
- Sasaki, A. (1984) Rochō kankei to Nissei sensō // Toyo Bunko. № 3. P. 127–150. (In Japanese)
- Sunyoung, K. (2017) The instability of Japanese national identity and the advent of the new Meiji state. Hong Kong : Yonsei University. 25 p.
- Takayanagi, N. (1987) Japan's "Isolated Father of Philosophy: Nishi Amane and his "Tetsugaku" // Gakushuin kenkyu. № 1. P. 81–90.
- Vogt, G., Holdgrün, Ph. (2013) Modernisierungsprozesse in Japan. München : IUDICIUM Verlag GmbH. 208 s. (In Germ.)

Дата поступления: 12.09.2018 г.

Submission date: 12.09.2018.

*PRUSSIAN INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE JAPANESE STATEHOOD DURING
THE MEIJI RESTORATION OF 1868–1888*

V. I. BALAKIN

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

In the domestic policy of modern Japan, one can notice the influence not only of Neo Confucian dogma, but also of the German interpretation of the idea of centralized statehood. This dates back to the period of the Emperor Meiji reign (1868–1912) when the Japanese elite became interested in the ideas of Prussian chancellor Otto von Bismarck. The Meiji period was marked by the beginning of the Japanese Empire formation as a great world power with primacy of national interests.

The Meiji Restoration was to stimulate overcoming the country's disunity. The work on the Japanese constitution involved an active part of German jurists. The ruling Japanese elite proved greatly receptive towards the German idea of creating in Japan a tough authoritative power system reinforced with specific recommendations of an ideological nature.

Apart from that, a military reform was being implemented. The Prussian ideological doctrine of military service in the name of the Emperor was a very convenient form, whose real content was represented by a developing effective dialectic unity of the traditional Shinto values and Neo-Confucian moral norms.

The Japanese school of that period became a basis of the new statehood formation with its national peculiarities, but it also copied the existing Prussian pedagogical experience in details.

The deep inoculation of the Prussian experience and crushing defeat in World War II played a noticeable role in giving Japan, like during the Meiji Restoration, another chance to find its own inimitable way toward national revival. Unlike in Germany, the tendency to return a so-called "normal statehood" was gaining momentum in Japan. Therefore, an interest in the philosophical values of the Meiji Restoration is increasing everywhere today.

Keywords: Japan; history of Japan; statehood; Meiji Restoration; Germany; Otto von Bismarck

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и регионоведения факультета международных отношений и туризма Московского гуманитарного университета. Адрес: 111393, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-90. Эл. адрес: viacheslavbalakin@rambler.ru

Balakin Vyacheslav Ivanovich, Candidate of Law, Associate Professor, Department of History and Regional Studies, Faculty of International Relations and Tourism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395, Tel.: +7 (499) 374-55-90. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru